

Михаил Суслов

Кризис мессианства и вопрос о будущем России во взглядах Сергея Шарапова (1855-1911)*

В России рубежа XIX – XX вв. процесс вестернизации ставил под сомнение фундамент российской интеллигентской идентичности – мессианизм. Многослойный комплекс российского мессианизма, составленный из убеждений в уникальности и превосходстве России перед другими странами, размывался бурным потоком истории эпохи *fin de siècle*, поражением в русско-японской войне, революцией 1905-1907 гг., сомнительным успехом российского парламентаризма. Эти изменения заставляли воспринимать Россию не как «богоносицу», избавительницу православного Востока, наследницу Византии, непобедимую державу с миролюбивым и христолюбивым народом, а как второстепенную и недоразвитую страну, пораженную тяжкими социально-экономическими болезнями и неуклонно влачащуюся по пути распада и прогрессирующего паралича власти. Кризис мессианской традиции, однако, не обязательно вел к отказу от нее, он также способствовал рефлексии и приспособлению мессианства к новым условиям.

Кризис российского мессианства вызвал резкую эмоциональную реакцию интеллигенции на почве потери самоуважения, аналогичную реакции исламских обществ XX века на вестернизацию¹. Современники оценивали рубеж веков как «эпоху настроений»², из которых преобладали настроения пессимизма, разочарования и меланхолии на фоне массовых эсхатологических ожиданий³. Негативные эмоции, носящие явно социальный характер, маркировали невозможность адаптировать свои убеждения к переменам в обществе и культуре. Примером такой «ошибки адаптации» является Сергей Шарапов (1855-1911), журналист и издатель нескольких славянофильских журналов.

В посвященном ему некрологе П.Б. Струве, его непримиримый идейный противник, отозвался о нем как о талантливом «демагоге» в буквальном смысле этого слова, который всегда будет обращать на себя внимание исследователей данной эпохи⁴. Современники оценивали его по-разному: правые отмечали ориги-

* Статья ранее была опубликована в журнале *Вопросы культурологии* (2010. № 9. С. 39-45).

¹ Gellner, E. Foreword / S. A. Arjomand. *From Nationalism to Revolutionary Islam*. Albany, 1984. P. viii.

² Steinberg, M. D. *Melancholy and Modernity: Emotions and Social Life in Russia between the Revolutions* // *Journal of Social History*. 2008. № 41 (4). P. 813-841.

³ См.: Newstadt, E. R. W. *Components of Pessimism in Russian Conservative Thought, 1881 – 1905*. PhD diss. University of Oklahoma, 1991. P. 118-226; Мельникова, Е. Эсхатологические ожидания рубежа XIX – XX веков: конца света не будет? // *Антропологический форум*. 2004. №1. С. 252.

⁴ П.Б. Струве. С.Ф. Шарапов (некролог) // *Русская мысль*. 1911. №8. С. 6.

нальность, смелость и честность его изданий, левые же, напротив, обвиняли его в продажности и связях с «камарильей». С.К. Эфрон охарактеризовал его как пример того, как люди большого таланта «гибнут в России»⁵. Коллеги и приятели Шарапова относились к нему критически, именуя «утопистом», известным своими плохо обдумантыми проектами⁶. Сам себя он называл «известным шарлатаном и мечтателем» и «обер-фокусником и эквилибристом»⁷.

Вопреки предсказаниям Струве, после смерти в 1911 г. его идеи не пользовались популярностью исследователей⁸ до недавнего времени, современная российская правая прибрала его к рукам, объявив пророком национальной экономической теории и создателем «жизнеспособной программы» реформ.⁹ Судя по количеству переизданий его трудов, защищенных диссертаций и опубликованных научных работ, посвященных Шарапову, он из разряда второстепенных исторических персонажей перешел в сонм властителей дум.¹⁰

В 1880 г. Шарапов стал штатным сотрудником газеты *Русь*, издаваемой И.С. Аксаковым, лидером славянофильской партии в 1870-1880-е гг. От Аксакова и его кружка (Н.П. Гиляров-Платонов, П.Н. Павлов, К.Н. Леонтьев) Шарапов воспринял славянофильство. Он признавался, что под влиянием Аксакова проникся «русским чувством»¹¹, стал его «учеником» и даже «суррогатом»¹². Смерть учи-

⁵ Фетисенко, О.Л. (ред.). Переписка В.В. Розанова и С.Ф. Шарапова (1893-1910) // Русская литература. 2008. № 4. С. 110.

⁶ Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 121. Д. 1016. Л. 93; там же. Д. 1030. Л. 109.

⁷ ГАСО. Ф. 121. Д. 535. Л. 310; там же. Д. 1046. Л. 103.

⁸ Среди немногих сочинений, касающихся идеологии и деятельности Шарапова, можно назвать: Власенко, В.Е. Теории денег в России. Киев, 1964; Пашков, А.И. История русской экономической мысли. Т. 3. М., 1966; Ведерников, В.В. Проблема представительства в русской публицистике рубежа XX столетия. Дисс. к. ист. наук. Ленинград, 1983; Laue, T. H. von. The High Cost and the Gamble of the Witte System: A Chapter in the Industrialization of Russia // The Journal of Economic History. 1953. № 13 (4); Garvy, G. Banking under the Tsars and the Soviets // The Journal of Economic History. 1972. № 32 (4); Trice, T. R. Sergei Fedorovich Sharapov (1855-1911): Reactionary Russian Publicist. A Thesis for the Master's degree. Louisiana College, 1987.

⁹ См., например: Елисеев, А.В. Социально-экономические воззрения русских националистов начала XX в. Дисс. к. истор. наук. Москва, 1997; Панаэтов, О.Г. Публицистическое наследие С.Ф. Шарапова в контексте социально-экономической жизни России // Наследие В.В. Кожина и актуальные проблемы критики, литературоведения, истории, философии. Армавир, 2003.

¹⁰ Шарапов, С.Ф. Диктатор. Политическая утопия. М., 1998; Шарапов, С.Ф. После победы славянофильства. М., 2005; Шарапов, С.Ф. Избранное. М., 2010. См. также: Репников, А.В. Последний романтик славянофильства. Земская утопия Сергея Шарапова в «мертвом поле» идеологической борьбы // Муниципальная власть. Российский журнал местного самоуправления. 2001. №4; Репников, А.В. Забытый Сергей Шарапов // Край родной. 2001. № 28. Наиболее полными исследованиями о Шарапове являются: Конягин, М.Ю. С. Ф. Шарапов: критика правительственного курса и программа преобразований. Конец XIX – начало XX века. Дисс. к. ист. наук. М., 1995; Кирютина, Т.М. Проблемы развития русской литературы и журналистики конца XIX – начала XX века: С.Ф. Шарапов. Дисс. к. филол. наук. Смоленск, 2001.

¹¹ Переписка И.С. Аксакова и С.Ф. Шарапова (1883-1886) // Русская литература. 2005. №1. С. 161. С. 163.

¹² Шарапов, С.Ф. Сочинения. СПб., 1892. Т. 1. С. vii-viii.

теля в 1886 г. стала для него большим ударом, словно «с Аксаковым умерла вся духовная Русь... дальше пустота, небытие»¹³. Свою дальнейшую деятельность он воспринимал как реализацию славянофильства на практике. По его мнению, славянофильство оформилось только как теоретическая доктрина, и в настоящий момент необходимо применить ее выводы к практике. Во введении к своим *Сочинениям* Шарапов отмечал свою главную черту – утилитаризм: «Я старался положения славянофильства свести с Олимпа и посадить на землю»¹⁴.

Однако, славянофильское мессианство было сложно приспособить к реалиям предреволюционной России. Разочарованность Шарапова в России и ее особой миссии вызывала горький пессимизм. П.Б. Струве замечал, что никогда прежде не доводилось ему слышать столь уничтожающей характеристики России, как из уст Шарапова: «Когда я слушал эти убийственные обличения родной страны, мне на память приходили не только и не столько *Философические письма* Чаадаева, сколько те жестокие характеристики России и всего русского, которые с таким легким сердцем выходят из уст и из-под пера иностранцев. Точно устами русского помещика... говорил двойник того озлобленного даровитого немца, который написал... "De moribus Ruthenorum". Только в язвительную хулу на Россию подмешивалась тут жгучая патриотическая скорбь: человек говорил о своем, а не о чуждом народе»¹⁵.

Чаще всего в обличении России встречаются слова «подлость», «хамство» и «дикость». В представлении Шарапова, «дикость», т.е. варварство, является следствием бездумного заимствования достижений западной цивилизации¹⁶. Особенно возмутительной ему представлялась бюрократизация России, а Санкт-Петербург воспринимался как ее символ и метафора. «Подлость» в этом смысле приобретает значения «грязь» и «разложение». Так, он называет Петербург «великой вонючей помойной ямой»¹⁷, а имперское полицейское государство – «отвратительным наростом на теле человечества»¹⁸. В другом месте своего дневника он именуется российскую державу «удушающей гниющей и зловонной жижей»¹⁹.

По контрасту с детскими воспоминаниями современность представляется ему в терминах «гниения»²⁰ (например, в новогодней (!) статье 1907 г. он пишет, что «Россия начинает медленно гнить»²¹) и «оподления». Даже вся история имперского периода, начиная с Петра I, это, по его мнению, «полтора года лет систематического оподления, угашения духа, заражения самой святыни русской души и русского сердца, обращения матушки Руси в одни огромные арестантские ро-

¹³ Там же. С. vii.

¹⁴ Там же. С. xviii.

¹⁵ Струве, П.Б. Ук. соч. С. 7-8.

¹⁶ Смоленский вестник. 1880. № 1. С. 2.

¹⁷ ГАСО. Ф. 121. Д. 533. Л. 199.

¹⁸ Русское дело. 1907. № 1. С. 12.

¹⁹ ГАСО. Ф. 121. Д. 536. Л. 121.

²⁰ Там же. Д. 545. Л. 16.

²¹ Свидетель. 1907. № 1. С. 3.

ты»²². Он писал своим корреспондентам: раньше все были «герои, теперь подлецы»²³, «хамская эпоха подлостей crescendo»²⁴, «мы живем среди отвратительных вещей»²⁵.

«Подлость» в его лексиконе тесно связана со стыдом за Россию и за то, что он русский²⁶. Часто Россия именуется «отвратительной»²⁷, «опошлевшей», и «оподлевшей»²⁸, которой предсказывается «позорное поражение» в грядущей войне²⁹. Согласно кодексу дворянской чести смерть лучше стыда: Шарапов часто замечает, что чувствует себя так плохо, что ему «противно жить»³⁰, он «задыхается»³¹, у него «ничего впереди»³². На новый год XX века он отозвался так: «жить не стоит. Жить стыдно»³³. Равномерно Шарапов предсказывает «неизбежность гибели» России³⁴.

С точки зрения классического психоанализа, механика депрессии основана на нарциссическом комплексе; депрессия скрывает агрессию по отношению к потерянному предмету любви. Однако, любовь к этому предмету и идентификация с ним столь велика, что агрессия направляется и на себя самого³⁵. Подобная любовь-ненависть к России и желание смерти ей и самому себе, несомненно, дают достаточно поводов для психоаналитической интерпретации взглядов Шарапова. Впрочем, исследование подсознательных импульсов не входит в нашу задачу; нам интересна работа сознания по «переводу» с языка эмоций (разочарованность и стыд за свою страну) на язык политической идеологии. Наша гипотеза заключается в том, что результатом этого «перевода» является культурный фундаментализм, аналогично тому, как показала Лия Гринфельд, на рубеже XVIII – XIX вв. чувство *ressentiment* (злостная зависть, обида) по отношению к странам Запада, запустило переосмысление места России в националистическом (скорее, мессианском) смысле³⁶.

Кризис мессианства проявился не только в критике России, но и в реинтерпретации самого мессианства, и в поиске нового объекта любви. В 1902 г. Шарапов изобразил утопическую картину Славянской империи, в которой России отводит-

²² ГАСО. Ф. 121. Д. 533. Л. 538.

²³ Там же. Д. 536. Л. 121.

²⁴ Там же. Д. 533. Л. 192.

²⁵ Там же. Д. 534. Л. 331.

²⁶ Русское дело. 1907. № 8. С. 8.

²⁷ ГАСО. Ф. 121. Д. 544. Л. 41 об.

²⁸ Там же. Д. 534. Л. 379.

²⁹ Русское дело. 1907. № 1. С. 1.

³⁰ ГАСО. Ф. 121. Д. 533. Л. 192.

³¹ Там же. Д. 533. Л. 199.

³² Там же. Д. 545. Л. 41.

³³ Там же. Д. 543. Л. 52.

³⁴ Там же. Д. 533. Л. 238.

³⁵ Фрейд, З. Печаль и меланхолия // Психология эмоций. Тексты / Под ред. В.К. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. М., 1984. С. 4, 9-11.

³⁶ Greenfeld, L. Nationalism. Five Roads to Modernity. Harvard, 1993. P. 256-258.

ся роль Большого Брата и руководителя («... вы посмотрите, какая необъятная величина Россия и какой к ней маленький привесок западное славянство. Неужели было бы справедливо нам, победителям и первому в славянстве, а теперь и в мире народу садиться на корточки ради какого-то равенства со славянами?»³⁷). После 1905 г. разочарованный славянофил утверждал, что «Россия русская» должна закончить свое самостоятельное существование и превратиться в «Россию славянскую», подобно тому, как Пруссия стала центром объединения Германии³⁸. Для Шарапова, если Россия свою «великую миссию окончила» и «выдохлась как государство и нация»³⁹, то славянству еще предстоит осуществить «живой синтез Востока и Запада», соединить формальное право и христианскую этику и в отдаленном будущем восстановить единство христианских церквей⁴⁰. Русские («слизняки, амебы»⁴¹) сами по себе не в состоянии выполнить эту миссию, так как им не хватает твердости чехов, политической дисциплины поляков, трудолюбия болгар и «поэтической непосредственности» сербов⁴². Так классический «русско-центристский» панславизм, усвоенный от И.С. Аксакова, был переосмыслен и выражен на языке чешского неославизма с целью спасти то, что еще оставалось от славянофильского мессианства.

Другим методом осмысления кризиса мессианства стало развитие политических метафор «иго – страдание – освобождение» и «катастрофа – очищение – возрождение». Смысловым ядром первой метафоры является страдание народа под чужеземным игом, которое не дает России возможности реализовать свой потенциал. Как «иго» осмыслялся целый комплекс проблем, связанный с «западными влияниями»: бюрократия, интеллигенция, еврейство, либерализм, капитализм и т.д.

Образ бюрократии в восприятии Шарапова дегуманизируется и ассоциируется со смертью. «Мертвая», «бездушная», «косная»⁴³ бюрократия «ведет войну» с «живыми силами» общества⁴⁴. Ее главное свойство – держать страну «под страшным гнетом мрака и духоугашения»⁴⁵, а народ «в рабстве»⁴⁶. Бюрократия – явление чужеродное, она была привнесена на русскую почву Петром I, и поэтому она враждебна интересам России и ее народа, лишена патриотизма и любви к монарху. Драма российской истории, по мнению Шарапова, состоит в противо-

³⁷ Шарапов, С.Ф. «Через полвека» // Шарапов. Сочинения. М., 1902. Т. 22-24. С. 59.

³⁸ ГАСО. Ф. 121. Д. 545. Л. 21 об.

³⁹ Там же. Д. 545. Л. 17.

⁴⁰ Свидетель. 1908. № 7. С. 28.

⁴¹ Там же. 1908. № 16-17. С. 13, 17.

⁴² Там же. С. 13.

⁴³ Шарапов, С.Ф. Сочинения. М., 1906. Т. 27. С. 18.

⁴⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 1617. Оп. 1. Д. 29. Письмо С. Ф. Шарапова к М.М. Андроникову 15 августа 1904.

⁴⁵ Русское дело. 1905. № 13. С. 1.

⁴⁶ Там же. 1905. № 19. С. 1.

борстве двух сил: бюрократии и «земщины», т.е. «народной» России⁴⁷. В этой борьбе не будет компромиссов: «улучшенная бюрократия невозможна»⁴⁸. «Может ли бюрократия быть исправлена, сделана честной, национальной, энергичной? — риторически вопрошал Шарапов, — Отвечаем категорически "нет"»⁴⁹.

Следовательно, «окончательным решением» этой проблемы должно стать уничтожение бюрократии. Как иронизировал Шарапов, всех чиновников следовало бы расстрелять из пулемета «веером». Надо заметить, что эта угроза была воспринята серьезно: против него было возбуждено уголовное дело, однако суд нашел его невиновным⁵⁰. Подобное отношение к бюрократическому режиму объясняет «заигрывание» с революцией, с которой Шарапов связывал надежды на ликвидацию чиновничества и обновление России. Летом 1905 г. он злорадствовал по поводу распространения волнений и восстания на броненосце «Князь Потемкин-Таврический», полагая, что революция «вскроет гнойные язвы» режима и сделает возврат к прошлому невозможным⁵¹.

Впрочем, Шарапов недолго носил фригийский колпак; в декабре издательство его газеты *Русское дело* подверглось атаке революционеров, а сам он как «глашатай реакции» был вынужден некоторое время скрываться в подмосковном монастыре⁵². Результатом такого участия в революции стала ненависть к социализму. Социализм, в его оценке, несет народам новое порабощение и «насильственную регламентацию»⁵³.

Парламентаризм как и социализм является закономерной реакцией на бюрократический гнет, но парламентаризм еще хуже – он «что сифилис, неизлечим. Он поганит душу народную, ставит ложь и обман во власть»⁵⁴. Парламентаризм – это «тирания большинства», которая создает «ужас полной безысходности», так как при самодержавии еще есть надежда – «одно мановение Царской руки, одно произнесенное слово, и тиски разжались...»⁵⁵. А при парламентаризме Россия обречена «медленно гнить»⁵⁶.

Еще одна сила зла для Шарапова – это еврейство. «Типичными представителями еврейства являются именно евреи – спекулянты, евреи – тунеядцы, евреи – эксплуататоры»⁵⁷; еврей – «величайший элемент духовного разложения, доходя-

⁴⁷ Там же. 1906. № 25. С. 1.

⁴⁸ Там же. 1906. № 42. С. 8.

⁴⁹ Там же. 1905. № 45. С. 2.

⁵⁰ Свидетель. 1909. № 22. С. 82.

⁵¹ Русское дело. 1905. № 26. С. 1.

⁵² Вяземский, Л.С. С.Ф. Шарапов. Некролог // Московские ведомости. 1911. 28 июня.

⁵³ Шарапов, С.Ф. Социализм как религия ненависти. М., 1907. С. 11-12.

⁵⁴ Пахарь. 1906. №1. С. 12; Шарапов, С.Ф. Диктатор. М., 1907. С. 6; Шарапов, С.Ф. Самодержавие или конституция? М., 1908. С. 7.

⁵⁵ Шарапов, С.Ф. Сочинения. М., 1904. Т. 25. С. 82.

⁵⁶ Свидетель. 1907. № 1. С. 4.

⁵⁷ Шарапов, С.Ф. Сочинения. СПб., 1892. Т. 1. С. 114-115.

щего до утонченного рабства»⁵⁸; «царство золота... связало все народы и государства мира одною огромною цепью и, словно рабов, повергло их к стопам всемогущего Израиля»⁵⁹. Образ еврея в писания Шарапова расово дегуманизирован, выражен через сравнение с животными: «паразит»⁶⁰, «хищник»⁶¹, и его животными свойствами: «страшная еврейская размножаемость»⁶² и т. п. Рефреном через эти сочинения проходит мысль о еврейском «иге» над земледельческими, «белыми» народами.

В этом антисемитизм Шарапова близок к германофобии. «Немец — исторический насильник...», — писал славянофил⁶³, указывая на угрозу немецкой колонизации в России⁶⁴. Для Шарапова Германия была воплощением «мертвой» машины, противопоставленной живой, но «ослабевшей» России⁶⁵. Германия страшна не просто России, а всему славянству, это «клин», вогнанный между славянскими и романскими «племенами»⁶⁶. Историческая задача Германии — покорение миролюбивых и разрозненных славянских народов, и «в этой борьбе примирения нет и быть не может...»⁶⁷.

В мировоззрении Шарапова все эти угнетающие Россию силы тьмы — бюрократия, парламентаризм, социализм, евреи, немцы, — являются проявлениями единого злого начала — Запада. Запад — «родитель» и либерализма, и консерватизма, и бюрократизма, и социализма⁶⁸, который «прогнал чуть ли не насквозь»⁶⁹ и установил рабство человека «у мертвого и безличного, и вдобавок совершенно безнравственного начала голой наживы»⁷⁰.

Соответственно, полная противоположность Западу — живая, основанная на личных и нравственных началах Россия, страдает под гнетом чужеродных, враждебных и наносных начал. Тема страдания постоянно присутствует в работах Шарапова. Он сам «более тридцати лет страдает от цензуры бюрократической» и от либерального «общественного мнения»⁷¹. Царь, в его представлении, «нравственно страдает больше всех и ничего поделать не может»⁷². Страдает и русский

⁵⁸ Свидетель. 1908. № 10-11. С. 132.

⁵⁹ Талицкий [Шарапов, С. Ф.]. Бумажный рубль (его теория и практика). СПб., 1895. С. 14.

⁶⁰ Свидетель. 1908. № 12. С. 53.

⁶¹ Русское дело. 1905. № 3. С. 4.

⁶² Там же. 1905. № 10-11. С. 5.

⁶³ Свидетель. 1908. № 16-17. С. 18.

⁶⁴ Шарапов, С.Ф. Сочинения. СПб., 1892. Т. 1. С. 70-94.

⁶⁵ Шарапов, С.Ф. Опыт русской политической программы. М., 1905. С. 35.

⁶⁶ Русское дело. 1886. № 34-35. С. 3.

⁶⁷ Шарапов, С.Ф. Сочинения. М., 1901. Т. 15. С. 80.

⁶⁸ Русское дело. 1907. № 1. С. 11-12.

⁶⁹ Свидетель. 1910. № 33. С. 82.

⁷⁰ Шарапов, С.Ф. Сочинения. М., 1901. Т. 4. С. 5.

⁷¹ Русское дело. 1905. № 42-43. С. 1.

⁷² Шарапов, С. Ф. Сочинения. М., 1906. Т. 27. С. 18.

народ, чья история полна «тяготы, тревог и страданий»⁷³ от «истощения сил»⁷⁴. Наконец, страдает все славянство, терзаемое внешними врагами⁷⁵.

Однако, страдание не может тянуться бесконечно: Россию ждет гибель и последующее воскрешение на новых основах⁷⁶. Славянофильское мессианство получало эсхатологическую трактовку, аналогичную польскому мессианизму 1830-1840-х гг., но, согласно взглядам Шарапова, освобождение от «ига» будет более определено связано с военной катастрофой, революцией и коллапсом империи⁷⁷.

Осенью 1891 г. Шарапов направился в качестве специального корреспондента *Нового времени* в Поволжье, пораженное голодом. В частных письмах он рисовал апокалипсическую картину происходящего: «Все элементы [готовы] для того, чтобы мужицкая ненависть к бумажному государству перешла в дело... Когда вулкан начнет работать, лаву не остановишь не только голыми руками, или циркулярами, но даже штыками»⁷⁸. И в другом месте: «Читали Вы у Тэна во втором томе главу "L'anarchie spontanée"? Вот это самое...»⁷⁹; «мы погибли! Погибли, и нет нам спасения! Слепота повсюду, подлог и обман!»⁸⁰. Но и военное поражение не за горами: «Надежд нет ни на что. Мы в военном отношении безусловно никуда не годны, и... взять нас можно голыми руками... В душе я уже пережил и перестрадал весь будущий позор: сдачу армий и крепостей, поднесение московских ключей... полное разрушение бумажного Российского государства... Во всяком случае, он [вопрос о будущем России] решится нашим освобождением и возрождением. А что до ближайших катастроф, то, право, им нужно быть именно для нашего возрождения...»⁸¹.

В передовой статье *Русского дела* за 1906 г. Шарапов изображает более подробную картину «ближайших катастроф». По его представлениям, внутренняя анархия в России станет предлогом для нападения соединенных сил Германии и Австро-Венгрии, которые без труда «займут всю Россию до Волги». Турция в это время захватит Кавказ, Сибирь и Урал объявят независимость, Япония присоединит к себе Приамурье. Правительство исчезнет. «Казалось бы, это и будет политической смертью нашей Родины. Но в сущности это станет только началом ее возрождения», – провозглашает публицист⁸². Чувство нависшей угрозы «образумит» интеллигенцию, возбудит патриотизм в народе, «возродит земщину» и религиозное чувство, объединит разрозненные классы: мужик и барин, рабочий и

⁷³ Там же. 1902. Т. 16. С. 6.

⁷⁴ Русь. 1885. № 10. С. 3.

⁷⁵ Русское дело. 1906. № 22-23. С. 4.

⁷⁶ Там же. 1907. № 1. С. 8.

⁷⁷ Свидетель. 1908. № 14. С. 91-92.

⁷⁸ ГАСО. Ф. 121. Д. 536. Л. 55а.

⁷⁹ Там же. Д. 536. Л. 53.

⁸⁰ Там же. Д. 536. Л. 80.

⁸¹ ГАСО. Ф. 121. Д. 533. Л. 239-240.

⁸² Русское дело. 1906. № 22-23. С. 3-4.

капиталист сойдутся ради изгнания захватчиков, помирятся народы Польши и России на общей ненависти к немцам. В результате, через несколько лет «совершится нравственное перерождение всей России, перестройка ее государственной идеи, переустройство вооруженной силы, явится пламенный патриотизм, возникнет духовное единство, найдутся и выйдут талантливые правители, гениальные полководцы, и Восток тронется неудержимой стихией на освобождение Запада»⁸³.

Таким образом, образ катастрофы позволяет перебросить мостик между нестерпимым настоящим и идеальным будущим, дает возможность осмыслить радикальную реформу, необходимую для торжества «правильных» и «исконных» начал над «враждебными наслоениями». В представлении Шарапова, катастрофа позволит «перезагрузить» программу развития страны, возвратив Россию в прошлое, в эпоху Московской Руси. В одном месте он подробно рассматривает механику «возрождения» после «катастрофы». В частности, говорит о том, что царь покинет Петербург и уедет один, без двора и свиты в глубь России, на Волгу, в Саратов, откуда издаст ряд манифестов, дарующих политические права, созывающих народ на Земский Собор и обустроивающих Россию на началах «самодержавия и самоуправления»⁸⁴. Этот очерк вкратце изображает позитивную программу преобразования России на началах славянофильства, которую обдумывал Шарапов.

Итак, мы попытались показать, что для интерпретации взглядов С.Ф. Шарапова необходимо иметь в виду кризис славянофильского мессианства и эмоциональный негативизм по отношению к современности и России, с которой связываются настроения пессимизма, стыда и ненависти. Этот кризис и угроза потери самоуважения в условиях вестернизации возвращают сознание, не прошедшее процесс адаптации к новому и не способное рационально овладеть ситуацией, на стадию «первичного процесса» – в область фантазий и эсхатологических пророчеств⁸⁵. История России начинает пониматься как постепенное подпадание под «враждебное иго» и освобождение от него представляется в будущем посредством катастрофы и «перезагрузки» на принципах русского средневековья – Московской Руси. Можно предположить, что многие идеологические феномены современной России имеют под собой то же объяснение: кризис советского мессианства и опрокидывание сознания тех, кто не смог адаптироваться, в область грез об Апокалипсисе и о роли, которую в нем сыграет Россия.

⁸³ Там же. С. 4.

⁸⁴ ГАСО. Ф. 121. Д. 536. Л. 121-122.

⁸⁵ Fisher, P. S. *Fantasy and politics: Visions of the future in the Weimar Republic*. Madison and London, 1991. P. 4.